

Дорогу Гусу

Тренер-иностранец – возможно, это то, что нужно нашей футбольной сборной, чтобы начать побеждать >> СТР. 21

Возрастной ценз для «молодого искусства» >> СТР. 23

22 АНТИКВАРИАТ
На следующей неделе любителям постимпрессионистов следует ехать в Лондон

НГ АНТРАКТ

Независимая газета

ПЯТНИЦА 16 ИЮНЯ 2006 ГОДА №21 (175) с. 13-14

ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ. ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

+ ТЕЛЕПРОГРАММА НА НЕДЕЛЮ

Медленный снег

Футурологические проекты и любимые гении Тонино Гуэрры

Вероника Чернышева

Его называют последним человеком Возрождения. Он относится к этому со здоровым юмором. И говорит, что ничего не боится. Он любит рисовать бабочек. У него красивая, рыжеволосая, ясноглазая русская жена Лора. Они очень забавно общаются – он хорошо понимает по-русски, но не говорит. Когда она переводит для кого-то его слова – он перебивает: «Ты опять говоришь больше, чем сказал я!» Они темпераментно машут руками, переходят на итальянский. Она перестает переводить, потом заразительно смеется: «Не обращайтесь внимания – это же итальянская семья». Называет его Тониночка. Ему 86. Он непосредственен как ребенок. Молоды живые черные глаза. Они всегда лучистые у гениев.

– Тонино, говорят, писателем человек становится только тогда, когда понимает, что не писать он не может. Когда вы впервые поняли это?

– Я этого еще не понял. Я мало верю в это утверждение. Я был пленником в нацистской Германии, и меня просили придумывать стихи и рассказывать тем, с кем я был там вместе. Чем больше я рассказывал собственных стихов другим пленникам, тем больше сам привязывался к этим стихам. Оттуда все пошло.

– Многие современные писатели – и русские, и европейские – очень пессимистичны, их прогнозы на будущее или страшны, или печальны. Вас тоже пугает глобальный мир?

– Я недавно придумал и снял четыре рекламных сюжета. Теперь вся Италия повторяет фразу про оптимизм, которую я придумал: «Оптимизм – это аромат жизни». Тем не менее я тоже не думаю, что мы живем в хороший период на Земле. Но уверен, что в будущем будут происходить грандиозные вещи. Думаю, что откроют новую Землю. Она будет тем, чем была наша Земля до открытия Америки. Новая планета станет новой Америкой.

Человек потерял Бога. Но есть надежда, что человек станет опять ребенком, найдет ребенка в самом себе. То есть возвратится к фантазии, полной волшебных ошибок, которые бывают только в детстве. Думаю, что это наше будущее. Но я говорю все это против себя самого, потому что я уже стар и мне жаль покидать эту землю. Если б я говорил, что все кончится, все плохо, нет у человечества никакого будущего, тогда бы я умирал спокойно.

Лора и Тонино Гуэрра. В зеркале.

Фото Евгения Зуева (НГ-фото)

Но я предвижу, что душа человека вновь наполнится инфантильной фантазией. А сейчас человек не любит свою Землю, Землю, на которой живет.

– Выход из кризиса гуманизма, по-вашему, это детство? А о чем вы мечтали в детстве?

– В детстве я всегда мечтал лечь на землю, открыть рот, и чтобы туда падал снег. Чтобы он задержался у меня на ресницах. Это была еще одна из причин, почему я с радостью приехал в Россию.

– У вас очень красивая русская жена. С чего начался ваш роман с Лорой, роман с Россией?

– Как! А я сам разве не красивый? (Смеется.)

– Древние греки полагали, что женщина – зеркало мужчины.

– Я уже говорил, что всегда любил медленный снег, потому что в моем городке, там, где я вырос, снег боль-

мне: «Ты всегда говоришь о медленном снеге – поезжай в Россию, такой снег есть только там». И когда я приехал в Россию, вместе со снегом на меня упала Лора, а она никогда, до-

Больше всего мне хочется слушать дождь

ше не падал так, как он падал когда-то в детстве. Один мой друг, очень известный французский философ, когда встретил меня однажды в Риме и заметил, что я грустный, сказал

мне: «Ты всегда говоришь о медленном снеге – поезжай в Россию, такой снег есть только там». И когда я при-

ехал в Россию, вместе со снегом на меня упала Лора, а она никогда, до-

Нет, конечно, Италия для нас всех – это мечта. Я, как все благородные девицы, окончила университет, изучала искусство. Италию я изучала, как и все, по книгам, картинам, репродукциям. Все мы росли, зная ее. Но это всегда была настолько далекая мечта, особенно в мое время. Вообще о чем-то таком и мечтать-то было невозможно. Я с трудом выезжала из страны даже уже после свадьбы. То, чего вы уже, слава Богу, не знаете.

Я знала Италию до встречи с Тонино, потому что любила ее. Любила архитектуру, литературу. Кто же не читает Данте, особенно среди благородных девиц? Сама же встреча предсказана никак не была, я не

мечтала ни о чем подобном для себя. Но, как я всегда говорю сама себе, – просто мои ушедшие обо мне помолвились. У меня предки своеобразные. Много кровей намешано. Мой прадед, например, был грек. А сама я благодаря Тонино счастливо прожила тридцать лет в Италии.

– Тонино, знаю, что в прошлый раз вы приезжали в Россию представлять книгу «Семь тетрадей жизни». Расскажите о ней. Что вы считаете своим самым большим достижением: прозу, стихи, сценарии? А может быть, «Оскар»?

– Я очень связан со словом, но еще мальчиком я начал рисовать, это и было мое начало.

>> СТР. 14

НГ-АНТРАКТ
ПРИЛОЖЕНИЕ К НЕЗАВИСИМОЙ ГАЗЕТЕ
МОСКВА, 101000, ГСП, МЯСНИЦКАЯ, 13.
ТЕЛ. 981-61-54

СЕГОДНЯШНИЕ
НОВОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ
НА WWW.NG.RU

16.06.06

16 ЦАРСКИЕ ЗАВТРАКИ

Петр I мог перекусить на ходу хлебом с луком и помчаться дальше. Наследники царя-реформатора относились к приему пищи более серьезно

15 РЕЖИССЕРСКИЙ ВЗГЛЯД

Если о чем-то говорят все, Юрий Грымов предпочитает составить об этом собственное мнение

23 КОЕ-ЧТО О ВЛАСТИ

Программа Медиа-форума XXVIII Московского международного кинофестиваля, как всегда, чурается официоза

24 ДЕМОНИЧЕСКИЙ ЭРОТОМАН

Как поэт Валерий Брюсов обманывал почтенную публику

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЮДИ И ПОЛОЖЕНИЯ	СТР. 15
ВРЕМЯ И МЕСТО	СТР. 16
ТЕЛЕВИДЕНИЕ	СТР. 17
ТОЧКА СЪЕМКИ	СТР. 21
АНТИКВАРИАТ	СТР. 22
АКЦЕНТЫ НЕДЕЛИ	СТР. 23
СТИЛЬ ЖИЗНИ	СТР. 24

Пережидай иногда серьезный труд развлечением

НГ АНТРАКТ

Приложение к «Независимой газете»

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Алла Болотина

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ

Анна Алексеева, Дмитрий Буткевич,
Сергей Варшавский, Владимир Захарин, Елена Кутловская, Галина
Осипова, Светлана Печникова, Галина Семенова, Виктория
Шохина, Венера Черепина, Вероника Чернышова

КОРРЕКТУРА Елена Невская, Людмила Фильдер,
Ольга Корчагина, Светлана Горшкова,

Валентина Мерзлякова, Гульсина Мубаракшина

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Маргарита Богачева, Татьяна Васильева,
Галина Бокина, Галина Хитрова,
Людмила Нагорнова, Наталья Воронова

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Михаил Митин,

Ирина Саратова, Екатерина Саратова

ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ 981-54-02

E-mail: cka@ng.ru

© «Независимая газета», © «НГ АНТРАКТ»

Медленный снег

<< ОКОНЧАНИЕ НАЧАЛО НА СТР. 13

Лора: Тонино один из самых почитаемых в Италии поэтов. Он начал писать стихи одновременно с Пазолини, каждый на своем диалекте. У меня хранится письмо Пазолини, где он пишет: «Браво, Тонино! Ты сделал для своего городка то, что я не успел сделать для своего». Тонино говорит, что всегда считал себя поэтом, а к рисунку, к детству, к своим началам он вернулся именно тогда, когда приехал в Москву. Все вокруг говорили по-русски. А он не мог поддержать разговора, и поэтому – рисовал.

Тонино: Мне было скучно – я брал пастель и рисовал.

Лора: Тонино делает мебель, фонтаны, мозаику, керамику, рестораны, много-много всего.

Тонино: Да, но я гарантирую, что я не Леонардо да Винчи. (Смеется.) Что касается книги, ее придумала и составила Паола Волкова – она замечательный критик, писатель, преподаватель ВГИКа. И просто замечательная женщина. Заголовок у книги на самом деле «Тонино». Без нее я бы никогда не назвал так нескромно собственную книгу. Что вы, я не такой тщеславный!

Лора: «Семь тетрадей жизни» – это подзаголовок, он обозначает семь направлений деятельности Тонино. Это тоже придумала Паола Волкова. В основном книгу переводила я. До этого я никогда не бралась за переводы сочинений мужа, но всегда считала, что он просто загублен как писатель, неизвестен в России так, как того заслуживает, потому что плохо переведен. Правда, в этой же книге есть замечательный совершенно перевод поэмы о Санкт-Петербурге Бэллы Ахмадулиной. Резо Габриадзе перевел там сказку «Лев с седой бородой», точнее, пересказал ее по-грузински.

Я не Леонардо да Винчи

Тонино: Я благодарен издателю своему в России Игорю Смолину, но очень удивлен, как это он не обанкротился. Книга такая огромная, в ней много фотографий. Тяжелая. Друзья держат эту книжечку на сон грядущий возле кровати, многие ранили себя этой тяжестью – ну не могут в руках удерживать. Теперь вот требуют от меня компенсации за сломанные кости. (Смеется.) Ну, конечно, лукавят – не читали они ее вовсе. Картинки посмотрят и положат.

– Тонино, у вас очень много друзей. Но художнику время от времени необходимо одиночество. Кого вы пускаете в свое одиночество? Или, может быть, это музыка, книги?

– Когда мне нужно то одиночество, о котором вы сейчас говорите, я не разделяю его с великими произведениями искусства. Может быть, придет ко мне друг, который не очень образован, знаете, такие люди, я называю их смиренными. Они близки к животным в той тихой ласке, которая исходит от них. Марчелло Мастроянни всегда говорил: «Я хотел бы дачу и няню». У Феллини никогда не было много друзей, но в последние моменты своей жизни он все чаще старался держаться людей почти неграмотных, но чистых. Это волшебство невежества. Прекрасного незнания, наивности – о ней я говорю. Эти люди не станут говорить тебе, что случится, что произойдет. Они не знают, что будет, и не задумываются об этом – они просто живут. Тайна успокаивает гораздо больше, чем знание. Уверенность всегда спешива. Она фальшива. Потому что даже в самой большой уверенности всегда есть сомнение.

– Что сейчас заставляет вас печалиться, радоваться или сомневаться?

– Когда человек стареет, он как будто уходит мыслями в какой-то дом. Дом становится большим, и постепенно человек начинает смотреть на мир уже только из окна этого дома.

Я очень люблю Россию. Я знаю, что это мой последний приезд сюда. Я смотрю на все-все, смотрю с волнением, как будто прощаюсь, и говорю себе, что уже, возможно, не увижу всего этого больше. Это очень сильно и прекрасно. Совершенно неправда, что грусть или печаль не привязывают к себе человека. Грусть может быть также насыщена, как и радость.

Думаю еще написать одну или другую книгу. И, думаю, могу кому-то еще помочь сделать фильм.

Лора: Тонино за этот год сделал три мультфильма с Андреем Хржановским.

Тонино: Но больше всего мне хочется слушать дождь, это самая великая музыка, какая только существует на свете. И видеть еще снег, который будет тихо падать, – он возвращает в детство. **– Кто ваш самый главный, после жены, русский друг? Кто из современных российских художников занимает вас?**

– Их очень много. Моя дружба в России неразрывно связана с искусством. Это Даниеля, Андрей Хржановский, Рустам Хамдамов, Наумов. Это и те, что ушли – Андрей Тарковский и Сергей Параджанов. Их очень много – это и художники, и режиссеры, с которыми связана вся жизнь. Есть в России один друг, который спас мне жизнь, – это академик Александр Николаевич Коновалов, хирург, он делал мне операцию. А мы с Лорой крестные его

детей. Сейчас, может быть, буду называть не таких уж близких друзей – но это люди, чье творчество я очень ценю. Мне нравится то, что снимает сейчас Александр Сокуров, особенно его картина «Солнце», я с большим уважением отношусь к его творчеству. Из молодых назову Илью Хржановского, который сделал фильм «4». Это очень жесткий фильм, но в нем есть момент режиссерской силы. Никита Михалков. Это все люди очень больших качеств. Мы с Лорой любим и всю жизнь с нежным почтением относимся к Бэлле Ахмадулиной, к Борису Мессереру. Мы любим их, творчество их нам близко. Обожаю Резо Габриадзе. Друзей огромное количество, мне так жалко, если я кого-то не назову! Имена уходят в суете. А они важны. Да! Я очень люблю Анатолия Васильева и то, что он делает в театре. Хорошие ребята Майя и Илья из театра «Тень».

И вот что вам расскажу: Даниеля сейчас готовит сюрприз – из своего фильма «Кин-дза-дза» он делает мультипликационный фильм. У нас в Италии сейчас прошли курсы кинематографистов, он там показал кусочки – это просто восторг. Андрей Хржановский сейчас сделал документальный фильм о Бродском – это тоже большой подарок. Замечательная, просто роскошная вещь.

Лора: Тонино очень любит и ценит Юру Норштейна, на всех лекциях рассказывает о его творчестве, всем новым знакомым он говорит о нем.

Тонино: О, да! Это великий мастер, гений. Москва – это тридцать лет дружбы с великими. Я так переживаю, что кого-то не назвал! Это целая жизнь.

Лора: (Смеется.) А теперь Тонино рассказывает вам, что у него красивые ноги, но плохая спина. Нет, они не могут долго говорить серьезно, эти итальянцы. Меня это поразило просто: за столом, в путешествиях, куда бы мы ни отправились, я всегда слышала только шутки. В первый мой приезд в 1976 году Тонино, Антониони и его молодая жена, ей тогда было всего 19, посадили меня в машину и повезли по всей Италии. Они никогда не говорили серьезно. Это просто поразило меня. Они творили смеясь, творили на ходу. Меня просто поражало, как такие люди вообще могут говорить о еде, о футболе, например, обо всем том, что занимает всех остальных. Когда мы приехали на виллу Антониони в Сардинии, с розовым пляжем и розовыми скалами, тогда Тонино работал с Тарковским над «Ностальгией», мы тоже постоянно веселились и не было вообще ничего серьезного. Только тогда я начала привыкать к тому, что интеллектуалы так и живут.

– Тонино, о чем еще вам хотелось бы сейчас писать?

Лора: Тонино только что закончил работать над книгой – его долгое время занимали проблемы поэтической прозы. Сейчас он опять думает о книге. Это будут «Сказки одного дома». Там будут фотографии нашего дома – интерьеры, сад. Портрет дома. А между фотографиями будут стихи. Есть такой своеобразный жанр на стыке прозы и поэзии – familiare. Это даже непеводимо. Скажем по-русски – «семейное». Об отношении двух людей, которых связывает нечто большее, чем любовь. О родстве двух разных душ. О людях, которые живут в браке. Тонино, подражая этим «фамильяри», пишет стихи о нас.

Тонино: Например, «Три дня, поссорившись, мы не говорили, были очень веские причины к тому. Она уже приносила мне спагетти, а я ел их, опустив глаза. В постели мы поворачивались друг к другу спинами. Но однажды утром наши руки встретились на спине собаки». Или: «Ты пошла в сад, сорвала цветок миндала и положила мне его в губы, пока я спал. Я весь день носил этот запах миндала в губах, как когда-то носил мой отец первую фиалку, что так же сорвала для него моя мать».

Лора: Это такие как будто японские танки. Вот они и называются в Италии «фамильяри».

Это будет еще перемешано с философскими эссе Тонино, с прозой. Там тоже нежность этих отношений уже пожилых людей.

Тонино: Будут и просто вопросы. Вопросы – это вот что: «Когда дерево поднимется из своего пепла?» Он будет под какой-то фотографией.

Лора: Или вот фраза, которую Тонино очень любит: «Необходимо делать нечто большее, чем просто банальное совершенство».

– В чем, по-вашему, секрет долгого семейного счастья? Это большая женская мудрость или очень сильная мужская любовь?

Тонино: Терпение. Надо терпеть недостатки того, кто рядом, просто не обращать на них внимания.

Лора: Их надо любить.

Тонино: Я думаю, в будущем отношения между людьми будут постепенно длиться все меньше и меньше, браки станут короткими. За отношения нужно бороться, нужно стремиться научиться прощать недостатки. Потому что долгие дни жизни вместе создают нечто, что просто необходимо перед лицом смерти. Будет большая свобода у человечества, будет. Наступит свобода, как для женщины, так и для мужчины. И это будет очень горько, люди должны преодолеть эти горькие вещи. Когда союз длится долго – только это дает силы.